

Лю Сюаньань с детства хлебнул от старшего брата немало — хоть к жизни и смерти он относится легко, но лишних наказаний всё же лучше избегать. К счастью, Лян Шу не собирался оставлять его здесь, чтобы тот женился на ком попало, и потому выдумал натянутый предлог о «взаимной симпатии с первого взгляда», чтобы забрать его к себе.

Госпожа Лю была в отчаянии. Вернувшись домой, она вздыхала перед мужем так, словно накопила полугодовой запас вздохов. Эти двое были как небо и земля — от характера до манеры поведения, ни в чём не сходились. Откуда вдруг взялась эта «симпатия»? Какая такая «симпатия»?

Лю Фушу тоже не знал, что делать.

Радовался лишь Лю Сюаньань. А-Нин тоже был доволен, хотя не из-за предстоящего путешествия, а потому что в Поместье Белого Журавля все считали его господина ленивым бездельником. Пусть его и баловали, но это был не настоящий Лю Сюаньань! Зато рядом с князем, пусть и уставший, его господин сиял как врач, и люди искренне уважали его и на него полагались. Вот так и должно быть!

Лю Сюаньань, однако, с таким мнением не соглашался. Он считал, что везде остаётся собой, и потому, погладив слугу по голове, обстоятельно разъяснил ему разницу между полезным и бесполезным. А-Нин что-то промычал в ответ, прильнул к окну кареты и стал наслаждаться свежим ветерком.

Карета, которую князь Сяо недавно приобрёл, была и впрямь огромной.

Настолько, что второй сын Лю мог лежать в ней и вдоль, и поперёк. Иногда князь тоже забирался внутрь, чтобы прилечь, и тогда А-Нин выходил к кучеру, чтобы немного погонять лошадей.

И слуга вскоре заметил: чем дальше они отъезжали от Города Белого Журавля, тем чаще и дольше ему приходилось сидеть на козлах.

— Как дела у А-Чана? — спросил Лю Сюаньань.

— Юнью пока не объявился, но мы уже слух пустили, — ответил Лян Шу. — Для них А-Чан — единственный врач из Поместья Белого Журавля, оставшийся на свободе, словно лакомый кусок для волчьей стаи. Его точно не оставят в покое. Как только что-то произойдёт, А-Юэ сразу сообщит.

Лю Сюаньань кивнул. Хотя уже наступила осень, днём по-прежнему было жарко, и солнце клонило в сон. Не проронив и пары фраз, он начал дремать.

Лян Шу взял прохладный фрукт, подумал и съел его сам, а затем щёлкнул Лю Сюаньаня по лбу:

— Раз уж бездельничаешь, почему бы не заняться своим миром?

— Голова болит, — отмахнулся Лю Сюаньань.

— Если болит, я тебя разбужу, — сказал Лян Шу. — Иначе, если ты его совсем запустишь, эти старики с белыми бородами помрут с голоду... — Он вдруг сообразил, что это было бы даже к лучшему, и сменил сравнение:

— ...Они с ума сойдут и начнут носиться повсюду, а я не смогу их всех переловить. Так что лучше всё привести в порядок, распределить по дворцам да храмам и там пристроить.

Лю Сюаньань с трудом приподнялся, подумал немного и нахмурился. Лян Шу придвинулся ближе; его густой, успокаивающий аромат сандалового дерева действовал как снотворное:

— Не спеши, делай всё постепенно.

Голос князя донёсся до ушей Лю Сюаньаня, и в ином мире он словно увидел князя Сяо.

С длинным мечом в руке тот стоял у входа в величественный дворец и, поминутно раздражаясь, командовал древними мудрецами, заставляя их выстроиться в ряд и не позволяя никому сбиваться. Оглядевшись, Лю Сюаньань поразился: всё было выстроено чётко-пречётко, ни дать ни взять — армия в пустыне.

«Вот это да!» — подумал он.

Каждая травинка в трёх тысячах миров была возвращена самим хозяином мира, и стало быть, лишь с его позволения и приглашения туда мог ступить гость. То, что князь Сяо здесь оказался, означало: в глубине души Лю Сюаньань представлял его себе непобедимым полководцем, что с мечом в руке и войско способен вести, и мудрецов, чей возраст исчислялся тысячами лет, в строй поставить.

В бескрайних просторах своего разума Лю Сюаньань восседал на белом журавле и неспешно бороздил пространство. Перестроенный мир по-прежнему пребывал в хаосе, и он понимал, что потребуется немало времени, чтобы постичь Небесное Дао и превратить его в упорядоченную обитель. Однако голова уже не болела так сильно, как после спасения из пещеры. Возможно, из-за аромата сандалового дерева, разливавшегося вокруг, а может, оттого, что князь Сяо с мечом в руке выглядел столь надёжно, что Лю Сюаньань мог расслабиться и спокойно размышлять о мироздании и собственном «я».

И размышляя, он снова начал засыпать.

Что поделать — слишком расслабился.

Лю Сюаньань резко клюнул носом, но Лян Шу вовремя ухватил его за воротник. Второй сын Лю сохранял спокойствие, продолжая спать, словно плывя по облакам, и даже глаз не открыл.

Для Лян Шу это был первый раз, когда кто-то бросился к нему в объятия. Он одной рукой обхватил Лю Сюаньаня за талию, нахмурившись, словно перенёс тот нелепый сон в явь, вспомнив забытые детали: красавец с нежным дыханием, словно орхидея, с пьянящим румянцем на щеках.

Он понял, что был куда подлее своей старшей сестры. Сестра любила красоту ради самой красоты, довольствуясь тем, что держала её в своём дворце, а его влечение было опутано тысячью невысказанных земных желаний.

Лян Шу уложил Лю Сюаньаня на кровать и вышел из кареты.

Вскоре Лю Сюаньань, сонный, последовал за ним. Причина была проста: пока он спал, аромат сандалового дерева внезапно исчез. С трудом проснувшись, он обнаружил, что в карете остался один, и потому, недолго думая, вылез наружу. Сначала нечаянно стукнулся головой, а затем, оступившись, рухнул вперёд.

— Господин! — А-Нин бросился его ловить, но, конечно, не успел. Однако Лю Сюаньань и не упал — Лян Шу подхватил его на лету и усадил на спину Тёмного цзяо.

— Лунатишь?

— Нет.

Лю Сюаньань и так был в полусне, и когда падал, ему казалось, будто он всё ещё летит на журавле, оттого он и не испугался. Теперь, сидя на коне, он не чувствовал облегчения, разум его по-прежнему был в тумане. Он зевнул и лишь спустя время добавил:

— Я не лунатик, я специально вышел искать князя.

Лян Шу усмехнулся:

— Зачем искал?

— Так, проснулся, — бессвязно ответил Лю Сюаньань, явно не желая думать. Лян Шу не стал его торопить, лишь замедлил коня. Осенний пейзаж в лесу был прекрасен: косые лучи солнца, деревья, одинокая туча, красные листья, струящиеся вдоль ручья.

Лю Сюаньань постепенно увлёкся видом и решил перенести похожий осенний лес в свой внутренний мир, потому то и дело оглядывался по сторонам. Через некоторое время он спросил:

— Князь, красные листья тебе нравятся?

— Нравятся, — ответил Лян Шу.

Лю Сюаньань подумал, что посадит для него целую рощу.

Или, чего мелочиться, — целую гору.

Лян Шу, видя, что тот окончательно проснулся, спросил:

— Эти старики с белыми бородами тебя больше не донимают?

Лю Сюаньань сначала поправил его, сказав, что это его друзья, и не все они старики — есть и прекрасные дамы. Затем он вспомнил свой сон и обернулся:

— На этот раз и ты там был.

Лян Шу сохранял спокойствие:

— Тоже в беседах участвовал?

Звучало это столь неправдоподобно, что он сам себе не верил.

Лю Сюаньань покачал головой, сдерживая улыбку:

— Нет, ты помогал мне порядок наводить.

Лян Шу постучал его по голове:

— Дерзость! Кто позволил тебе меня на работу нанимать?

Лю Сюаньань что-то промычал в ответ, но про себя подумал, что, если он больше не проговорится, князь никогда и не узнает.

Он повернулся вперёд и снова закрыл глаза, наслаждаясь ветерком. Лян Шу тоже улыбнулся. В лесу разливался сладкий аромат упавших ягод, но ему больше нравился запах, исходивший от воротника Лю Сюаньаня — лёгкий, травяной, с ноткой бамбука, свежий и успокаивающий.

<http://bllate.org/book/16268/1464308>